A 827
922

922

ВОСПИТАНІЕ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго Книжнаго Склада
при Одесскомъ Славянскомъ Обществѣ.

ОДЕССА, 1894.
Типографія Л. Кирхнера (Пушкинская, 19).

ВОСПИТАНІЕ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

В. Н. Ястребова.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

Изданіе Кирилло-Меѳодіевскаго Книжнаго Склада
при Одесскомъ Славянскомъ Обществѣ.

2-Е ИЗДАНІЕ.

ОДЕССА.
Типографія Л. Кирхнера (Пушкинская, № 19).
1894.

Дозволено цензурою. Одесса, 9 Іюня 1894 года.

2007059641

ВОСПИТАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Близилась къ концу ночь съ 29 на 30 мая 1672 года. Мѣсяцъ зашелъ уже давно, но небо сѣвера было свѣтло по обыкновенію; блѣднѣя все болѣе и болѣе, догорали тусклыя звѣздочки; востокъ начиналъ рдѣть и золотиться; разными цвѣтами покрывались тонкія, длинныя тучки на горизонтѣ; повѣвалъ прохладный вѣтерокъ.

Москва спала. Чудный былъ это сонъ, — сонъ великана, широко растянувшагося на ровной поверхности, болѣе 500 лѣтъ занимаемой имъ! Что-то своеобычное видѣлось въ этомъ городѣ, цѣльное и сильное до упорства. Множество высокихъ колоколенъ вырѣзывалось на свѣтлѣющемъ небѣ; въ полумракѣ сливались еще пока деревянныя избы, которыми застроены были окраины; замѣтнѣе были невысокія, тоже, правда, боярскія палаты, тонувшія въ глубинѣ обширныхъ дворовъ и раздѣленныя другъ отъ друга нерѣдко громадными пустырями. Каждая палата представляла, безпорядочную кучу нѣсколькихъ зданій, завершаемыхъ крышами самой разнообразной формы; надъ одной изъ нихъ, построенной въ видѣ шатра, прикрѣплялся гербъ хозяина. А вотъ — ядро Москвы — Кремль, окруженный высокой зубчатой стѣной, съ башнями, то высокими и

острыми, то пониже, съ крышею въ видѣ шатра, стоящими уже добрую сотню лѣтъ. Передъ Кремлемъ, близъ Спасскихъ воротъ и Москвырѣки одиноко выдвигается храмъ Василія Блаженнаго со множествомъ главъ, пристроекъ и переходовъ; ни одна часть его не похожа на другія; что-то до крайности причудливое и загадочное въ немъ: будто строили его люди разныхъ народностей и вѣковъ. А когда взойдетъ солнце, и онъ оживится всевозможными красками, покрывающими его стѣны и куполы — тогда еще чудеснѣе, еще поразительнѣе станетъ онъ. А вотъ и кремлевскіе соборы, и стройная колокольня Ивана Великаго; тутъ-же протѣснился дворецъ Царя Алексѣя Михайловича съ шатровидными башенками, со множествомъ отдѣльныхъ палатъ, въ большинствѣ — деревянныхъ, съ горенками наверху, съ крышами разнообразной формы — въ видѣ шатра, бочки, или двускатными, расписанными цвѣтными клѣтками.

Перекликались пѣтухи; съ легкимъ стукомъ отпирались рѣшетки, которыми замыкались на ночь улицы; еще мгновеніе — и золотые куполы и кресты кремлевскихъ соборовъ зажжены утреннимъ солнцемъ и ослѣпительно заблестѣли. Москва какъ будто помолодѣла, зардѣвшись красными крышами и побѣлѣвши: освѣтились сначала колокольни, стѣны Кремля и Новодѣвичьяго монастыря, потомъ дворецъ и боярскія палаты. По краямъ, впрочемъ, Москва окружена была старинными деревянными постройками, какъ будто облечена старою, отеческой одеждой; однако, ни въ одномъ тогдашнемъ городѣ не было столько камня, и Москва справедливо звалась русскими «бѣлокаменной». Зазеленѣла молодая

весенняя растительность, изобиловавшая въ Москвѣ и придававшая ей особенно гостепріимный деревенскій видъ; засвѣтилась спокойная Москва-рѣка, отражая и колокольни, и башни, и бѣлокаменныя палаты, и соломенныя крыши хижинъ. Золото крестовъ и куполовъ какъ будто плавало и струилось, растаявши въ водѣ. Чаще и безостановочнѣе раздавались какіе-то звуки; кое-гдѣ клубился изъ трубъ синеватый дымокъ, прорѣзывая тонкой струйкою ярко-прозрачный воздухъ. Прошелъ часъ — другой, и Москва проснулась. Дневное движеніе въ городѣ еще не начиналось: на улицахъ было пусто, москвичи не успѣли еще выйти изъ своихъ горницъ — то расчесывая, не торопясь, бороды, то истово крестясь предъ образницею и счетомъ кладя земные поклоны. Вдругъ загудѣлъ годуновскій колоколъ на Иванѣ Великомъ, и мѣрные, бархатные звуки его величаво и торжественно разлились по спокойному городу, наводя набожныхъ москвичей на мысль о праздникѣ. Вотъ ударили въ колокола и въ Казанскомъ соборѣ, въ Китай-Городѣ... Вонъ слышится отвѣтный звукъ колокола въ Новоспасскомъ монастырѣ... и чрезъ нѣсколько минутъ вся Москва покрылась общимъ гуломъ, который оповѣщалъ, что готовится какое-то великое торжество.

Между тѣмъ, пока приходила въ себя и наряжалась вся — и богатая и бѣдная Москва, царь Алексѣй Михайловичъ готовился стать на молитву въ кремлевскомъ дворцѣ. Свой день царь всегда начиналъ утренней молитвою, для чего была въ глубинѣ палатъ, возлѣ спальни, молельня. Здѣсь, въ ожиданіи государя, зажигались паникадило и восковыя свѣчи предъ

иконостасомъ; изъ-за нихъ угрюмо смотрѣли законченые, строгіе лики святыхъ на иконахъ, богато убранныхъ золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями; кресты, серьги, перстни и золотыя монеты висѣли на окладахъ образовъ. Утреннее солнышко, врываясь сквозь узкія окна, играло на стѣнѣ, обитой кожею, раззолоченной и расписанной красками. Лицомъ ко входу, съ крестомъ въ рукахъ, ожидалъ царя духовникъ, поодаль стояли дьяки...

При входѣ царя, священникъ первый подошелъ къ нему и благословилъ его крестомъ; царь набожно приложился, а потомъ принялся за утреннюю молитву; четверть часа продолжалась она. Положивши послѣдній поклонъ, царь подошелъ къ налою, на которомъ находился образъ Исаакія Далматскаго—святаго, память котораго Москва праздновала въ тотъ день—и приложился къ образу; потомъ духовникъ окропилъ царя святой водою, привезенною изъ какого-то дальняго монастыря, прославленнаго чудотворною иконою, и наконецъ поздравилъ его съ приращеніемъ царскаго семейства сыномъ.

Сына этого при крещеніи и назвали Петромъ.

Колокольный звонъ, смолкшій было на нѣкоторое время, скоро раздался снова въ Кремлѣ и извѣстилъ москвичей о царскомъ выходѣ. Изъ дворца вышли лица царской свиты, по два человѣка въ рядъ: впереди менѣе чиновные, потомъ чиновнѣе и чиновнѣе!.. Появился и царь, въ длинной-предлинной одеждѣ, блестѣвшей золотомъ и дорогими каменьями. Заостренная и опушенная мѣхомъ корона осыпана была алмазами и другими камнями; особенной величины достигали они на верху ея, на крестѣ. На царѣ было

оплечье и большой крестъ на груди; на ногахъ желтые, съ заостренными кончиками сапоги. Алексѣй Михаиловичъ былъ человѣкъ рослый, плечистый, но рыхлый; большая, сѣдая борода окаймляла его широкое лицо; глаза и вся фигура его дышали добротой,—недаромъ же и прозвали его «тишайшимъ». За царемъ шли бояре, окольничьи, думные и ближніе люди, а также грузинскій, касимовскій и сибирскій царевичи. Чѣмъ выше былъ чинъ члена свиты, тѣмъ выше на немъ была и шапка. Одежда большинства царской свиты была краснаго цвѣта, разныхъ оттѣнковъ, у нѣкоторыхъ—лазореваго, зеленаго или оранжеваго цвѣта. Она также блестѣла золотымъ шитьемъ и богатыми пуговицами — нерѣдко золотыми, иногда серебрянными, изумрудными, либо яхонтовыми, достигавшими величины куринаго яйца. Верхняя одежда, звавшаяся *опашнемъ*, была длиною до полу и очень широка: сзади она снабжена была капишономъ и отличалась еще предлинными рукавами, которые надо было засучивать, если желали подать руку или взять что-нибудь. Въ свитѣ присутствовалъ и постельничій со стряпчими: стряпчіе несли носовой платокъ царя, стулъ съ подушкою, коверъ и зонтъ. При выходѣ изъ палатъ, одинъ бояринъ опередилъ царя: тотъ окликнулъ его и приказалъ тамъ идти, гдѣ шли другіе бояре.... Алексѣй Михайловичъ не любилъ, когда нарушали порядокъ, и требовалъ, чтобы при церемоніяхъ строго придерживались старыхъ обычаевъ или правилъ, установленныхъ имъ самимъ. Чинно направили всѣ они шествіе въ Успенскій соборъ, сопровождаемые издали устремленными на нихъ взглядами москвичей, которые, при видѣ царя, падали на землю.

Въ Успенскомъ соборѣ царь отслушалъ благодарственный молебенъ, а потомъ отправился въ другія церкви поклониться гробницамъ родственниковъ—подѣлиться съ умершими радостью. Наконецъ онъ воротился во дворецъ: здѣсь царь принялъ поздравленія бояръ и угостилъ ихъ виномъ и сластями изъ собственныхъ рукъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ..... Тишайшій царь Алексѣй умеръ. Царевичъ Петръ съ матерью жили въ с. Преображенскомъ, недалеко отъ Москвы. Не по доброй волѣ удалились они въ Преображенское. Новый царь, Ѳедоръ, былъ сыномъ умершаго государя отъ первой жены, М. И. Милославской. Родственникамъ его хотѣлось жить богато и весело, быть людьми властными, а этому не бывать, думалось имъ, если при дворѣ будетъ оставаться царица и родственники ея—Нарышкины. Царица—вдова и мальчикъ Петръ были поэтому ими изъ Москвы удалены. Тоскливо и монотонно текла жизнь царицы въ Преображенскомъ селѣ, словно осенній вечеръ со слезящимся небомъ, съ брызгами дождя, ударяющими въ окна, съ завываньемъ вѣтра въ трубѣ, вѣчнымъ, нескончаемымъ завываньемъ....

Послѣ утренняго моленья, къ царицѣ приносили разныя ткани, шелки, золото и серебро, жемчуги, камни, предназначаемые для рукодѣлья. Все это царица осматривала, такъ же, какъ работы мастерицъ,—указывала, что слѣдовало сдѣлать, какъ исправить ошибку, передѣлать или пополнить работу. Иногда и сама она принималась вышивать утварь въ какой нибудь монастырь для особо чтимаго угодника, либо воротничекъ къ кафтану или сорочкѣ своего сына-

царевича, либо самую сорочку, полотенце или платокъ. Принесутъ льняныя издѣлья: царица пересматриваетъ ихъ, выбирая, что получше, а что не особенно чисто сдѣлано, или залежалось, назначая въ подарокъ, или на продажу. Изрѣдка пересматривался гардеробъ, выбиралось изъ него поношенное и назначалось—на перешивку-ли царевичу, въ даръ-ли родственницамъ царицы.... Такъ проводилось время до обѣда, который бывалъ въ полдень. Послѣ «столоваго кушанья», царица слушала разсказы старухъ, нарочно для того жившихъ при ней, то о святыхъ мѣстахъ, объ угодникахъ,—то о Бовѣ-королевичѣ или Еруслапѣ Лазаревичѣ,—о Бабѣ-Ягѣ или Кощеѣ безсмертномъ.... Иногда Наталья Кириловна приказывала позвать карлицъ, дуръ и шутихъ, составлявшихъ также необходимую принадлежность домашней жизни московской царицы, и смотрѣла для забавы, какъ онѣ, наряженныя въ лазоревыя, красныя или зеленыя платья, въ красныхъ или желтыхъ сапогахъ, кувыркались и дурачились передъ нею, или-же слушала ихъ пѣсни. Время отъ времени справляла царица свадьбу,—выдавала замужъ какую-нибудь родственницу или сироту, жившую при ней.

Но мало ее занимало теперь все это. Наталья Кириловна часто тосковала: нужно было ей жить вдали отъ двора, безъ власти, въ одиночествѣ. И при жизни мужа, положимъ, житье было не особенно веселое: по отношенію къ нему— она была подданной, существомъ низшимъ; по отношенію къ міру—она была затворницей, и по тогдашнимъ обычаямъ, не смѣла появляться предъ людьми.... Но теперь было все таки тяжелѣе. Тогда хоть придутъ въ праздникъ боя-

рынн съ поклономъ или боярин—именинникъ принесетъ именинный калачъ; тогда обращались къ ней съ челобитными вдовы и сироты—и царица помогала имъ деньгами... тогда, наконецъ, она была моложе!... Теперь, среди тоски и одиночества, начинала неслышно подкрадываться старость. Царицу Наталью не занимали уже качели,— не глядѣлось ей на дѣвичьи игры, присмотрѣлись ей уже карлицы и шутихи, такъ присмотрѣлись, что доводили подчасъ до досады, и горше прежняго тогда начинало казаться царицѣ ея житье!

Между тѣмъ, царевичъ Петръ выросталъ не по днямъ, а по часамъ, и всѣмъ бросалась въ глаза его необыкновенная подвижность и быстрота. Хоть и малъ былъ еще Петръ, а все таки и ему было скучно... Къ матери, къ царицѣ въ свѣтлицу не каски и глазъ: сидить, бѣдная, да вышиваетъ, либо выкраиваетъ, а не то—вдругъ броситъ работу, сядетъ къ окну и смотритъ въ него, да такъ жалостно, что не глядѣлъ бы. Наверняся подъ часъ и слезинка; возьметъ царица сына, цѣлуетъ его, ласкаетъ, а ничего не скажетъ. Любилъ онъ ее и жалѣлъ, но жутко какъ то было у ней царевичу, тяжело и скучно. Дѣло извѣстное, ребенку забыться не трудно: уйдетъ въ свою комнату и бѣгаетъ съ деревянной лошадкою или выдѣлываетъ дробь на барабанѣ, либо забавляется бубномъ. Любилъ онъ стрѣлять изъ маленькаго серебрянаго лука,— любилъ маршировать съ знаменемъ или ружьемъ въ рукѣ; а то нацѣлитъ во что нибудь золоченую пушечку и стрѣляетъ изъ нея, какъ изъ заправской пушки. Игрушки эти остались еще отъ брата его, царя Оедора, да на половину ужъ

поломаны были, а едва ли не всю другую половину поломалъ самъ Петръ — то нечаянно, то нарочно: хочется, напримѣръ, мальчику узнать— отчего это такъ гудко звучитъ барабанъ? и дитя постарается разодрать кожу и посмотрѣть, что внутри. Ломать, впрочемъ, можно было вволю, потому что вмѣсто испорченныхъ вещей появлялись скоро новыя, заказанныя нарочно для царевича. Были у него и товарищи: по обыкновенію, свита у царевича была изъ такихъ же малыхъ, какъ и онъ самъ; кромѣ того, штатъ Петра дополнялся нѣсколькими карликами. Имъ иногда давались отъ царевича порученія, но главнымъ образомъ ихъ держали затѣмъ, что находили несчастныхъ забавными, особенно если выдумать для нихъ одежду почудиѣе... Случалось царевичу игрывать съ товарищами, и чаще всего игрывать въ войну. Но тяжкая тоска матери заставляла его бѣжать изъ комнатъ въ поле: не ловко было ему шумѣть и возиться, зная, что за стѣной — мать груститъ, и ребятки не смѣли рѣзвиться такъ, какъ хотѣлось. Да и тѣсно было здѣсь, не было простора: комната хоть и большая, а все же—комната, и не сдѣлаешь въ ней всего, что хотѣлось бы! Петръ воображалъ себя или витяземъ, или воеводою; ему хотѣлось скакать, что есть духу, на конѣ, командовать вооруженнымъ войскомъ, брать съ нимъ крѣпости, города, стрѣлять изъ ружей, да и мало ли чего ему не хотѣлось, чего въ палатахъ дѣлать было невозможно.... Просится у матери: «можно». И бѣжитъ царевичъ съ «ребятками» на широкое поле, гдѣ и раздолья больше, и воздухъ чище, и нѣтъ никого, кому надоѣсть можно,—гдѣ солнце привѣтливо и весело

пригрѣваетъ, гдѣ нѣтъ-нѣтъ, да выпорхнетъ изъ подъ ногъ звонкій жаворонокъ и взовьется на воздухъ высоко-высоко, и смотритъ на него царевичъ, пока не пропадетъ жаворонокъ совершенно изъ вида. А вдали — Москва, златоглавая, дивная, какъ бы осыпанная золотыми звѣздами; кажется, тутъ-то и растутъ золотыя яблоки или покоится въ хрустальномъ гробу спящая царевна...

Царевичъ ведетъ въ поле и товарищей, и нѣтъ предѣловъ радости его, когда, подъ его команду, вся эта ватага «ребятокъ» дѣлаетъ ружейныя вымѣтки, или маршируетъ подъ звуки барабановъ и дудокъ. Изъ взрослыхъ случалось бывать здѣсь одному иноземцу Менезіусу, человѣку бывалому, много видавшему и знающему. Онъ былъ полезенъ и въ играхъ царевича съ «ребятками»: кто такъ какъ онъ умѣлъ показать, какіе фронтовые пріемы существуютъ заграницей, какъ и что ловчѣе дѣлать? а для царевича все это—крайне занимательно, съ каждымъ днемъ и часомъ онъ больше начинаетъ любить военныя игры и относиться къ нимъ въ серьезъ; его сильно интересуютъ разныя «хитрости» военнаго дѣла, ему хочется самому знать все — и самому все передѣлать и перепробовать. Вмѣсто шуточныхъ ружей появляются настоящія, раздаются царевичу и его товарищамъ, и вотъ они занимаются стрѣльбой. Царевичъ постоянно высматриваетъ все самъ: какъ заряжаютъ пушку и какъ стрѣляютъ изъ нея, какъ обращаются съ ружьемъ, какъ чистятъ его.... Онъ самъ пробуетъ заряжать и стрѣлять, а вымачкается, обожжется — ничего, не бѣда, — лишь бы научиться всему, что касается «ратнаго» дѣла. А научившись обращаться съ огнестрѣльнымъ ору-

жіемъ—принялись за другія работы, потруднѣе: стали дѣлать земляныя насыпи и крѣпости. Царевичъ и тутъ не отставалъ отъ другихъ и не гнушался черной работы: какъ всѣ, копаетъ, возитъ землю въ тачкахъ, утаптываетъ ее, и такъ ретиво занимается новой работой, что часто прибѣгаетъ домой только вечеромъ—усталый и голодный. Построивши крѣпостцу, брали ее, при чемъ одни «ребятки» помѣщались въ ней и защищали крѣпость, а другіе—съ Петромъ во главѣ—осаждали укрѣпленіе, стрѣляя деревянными ядрами, обтянутыми кожей,—и часто царевичъ влеталъ первый на верхъ съ крикомъ торжества, и милостиво принималъ покорность осажденныхъ. И дружно жилъ онъ съ своими товарищами, ничуть не величаясь своимъ царскимъ происхожденіемъ, да и «ребятки» забывали, что они играютъ съ царскимъ сыномъ, понимая только, что Петръ и бойчѣе, и смышленѣе ихъ.

Учить грамотѣ начали царевича въ четырехлѣтнемъ возрастѣ. Нарочитыхъ учителей въ то время въ Московскомъ государствѣ почти не было и братъ Петра, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, выбралъ учителемъ ему приказнаго Никиту Моисеевича Зотова, «мужа кроткаго и смиреннаго», какъ доложили ему.

Отслужили молебенъ, патріархъ окропилъ отрока святою водой, благословилъ и вручилъ его учителю. Смиренный Зотовъ, смущенный величіемъ предстоявшаго ему дѣла, посадилъ ученика за особый учебный налой и отдалъ царевичу земное поклоненіе, а потомъ уже приступилъ къ дѣлу. Въ то время у насъ употреблялась вездѣ церковная грамота,—гражданской азбуки еще не было; съ церковно-славянской

азбуки началъ свое ученье и Петръ. Потомъ, по тогдашнему обычаю, онъ читалъ Часословъ и Псалтырь, Дѣянія Апостольскія и Евангеліе, и все это давалось ему легко, потому что царевичъ былъ и смышленъ, и памятливъ. Многія мѣста изъ священныхъ книгъ онъ зналъ наизусть, много—много лѣтъ спустя....

Года черезъ полтора послѣ начала ученья, Зотовъ принялся показывать ему, какъ писать. А устанетъ царевичъ, прискучитъ царевичу Часословъ, Никита Моисеевичъ пріймется показывать ему книги съ картинками историческаго и иного содержанія, показываетъ картинки иноземнаго изнадѣлья, которыхъ было довольно во дворцѣ, даже на стѣнахъ царевичевой комнаты, и которыя назывались по тогдашнему «фрязскими листами». Много, очень много любопытнаго находилъ въ нихъ мальчикъ: невиданные имъ города, съ неслыханными, странными названіями, чудныя зданія, сраженія сухопутныя и морскія, историческія событія и лица.... Внимательно разсматривалъ онъ картинки и настойчиво разспрашивалъ обо всемъ учителя: все ему разскажи, кто это на портретѣ съ такой необыкновенной физіономіей и въ такой небывалой одеждѣ, какъ, гдѣ и когда было это сраженіе, что изображено на картинкѣ, зачѣмъ это и гдѣ существуютъ корабли и какъ строятся они? Узнавалъ царевичъ отъ Зотова о чужихъ краяхъ, о городахъ тамошнихъ и о людяхъ; о томъ, что было прежде съ этими дальними странами и народами; но многаго сообщить обо всемъ этомъ Зотовъ не могъ: самъ-то онъ зналъ очень мало, да и трудно было удовлетворить такого любознательнаго ученика. Больше всего читалъ и зналъ Никита

Моисеевичъ про русскую старину: ученику удалось слышать отъ него о своемъ отцѣ, царѣ Иванѣ Грозномъ, о Дмитріѣ Донскомъ, Александрѣ Невскомъ, Владимірѣ Святомъ, Владимірѣ Мономахѣ. Узналъ царевичъ отъ Зотова о военныхъ походахъ ихъ, о сраженіяхъ, осадахъ городовъ, о томъ, какъ терпѣли нужду многіе изъ нихъ больше простаго народа и все это выносили затѣмъ, чтобы раздвинуть предѣлы Руси или въ другомъ чемъ оказать ей пользу. Розами разгоралось прекрасное лицо царевича, черные глаза его искрились и сверкали и самому ему хотѣлось — строить чудные города и крѣпости, брать и города и крѣпости вражескіе, положить всего себя родной землѣ, терпѣть за нее нужду, какъ терпѣлъ добрый страдалецъ Владиміръ Мономахъ и, утерши потъ съ лица, веселиться во всю ширь, какъ веселился и пировалъ Владиміръ Князь—Красное Солнышко...

Не долго Зотовъ пробылъ учителемъ Петра, такъ что не успѣлъ его научить и писать безъ ошибокъ. За то Петръ многому учился самъ. А любознательность у него была неутолимая: учился онъ переплетать книги и печатать ихъ, усердно занимался кузнечнымъ и столярнымъ дѣломъ, но особенно любилъ точить: токарное занятіе вошло у него впослѣдствіи въ привычку и каждодневную жизнь, и онъ достигъ очень значительныхъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ. И учителей для себя толко часто разыскивалъ и находилъ Петръ самъ. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій привезъ, напримѣръ, ему въ подарокъ замысловатый инструментъ изъ Франціи: самъ онъ могъ сказать о немъ только то, что инструментъ этотъ зовется астролябіей и что съ по-

мощью его можно узнать разстояніе между двумя очень отдаленными предметами, не сходя съ мѣста. Что тутъ дѣлать? Инструментъ — заграничный, соображаетъ Петръ:—изъ русскихъ, поэтому, врядъ ли кто съумѣетъ взяться за него; спросить нѣмца—доктора?... Спрашиваетъ: нѣтъ, не знаетъ и докторъ такихъ вещей, но есть у него знакомый голландецъ въ Москвѣ, который навѣрно понимаетъ въ этомъ. Является голландецъ—Францъ Тиммерманъ, устанавливаетъ инструментъ, дѣлаетъ карандашомъ выкладку—и, когда смѣряли шагами вычисленное разстояніе — оказалось вѣрно.

— «Научи меня мѣрить и считать!» говоритъ озадаченный Петръ.

— «Вдругъ нельзя»—отвѣчаетъ иноземецъ: «для этого надо знать ариѳметику и геометрію, и только при ихъ помощи легко дѣлать подобныя чудеса... Можно, напримѣръ, вымѣрять высоту церкви или дома, не влѣзая на нихъ. При томъ, прибавляетъ онъ, геометрія необходима и при постройкѣ зданій и укрѣпленій» ..

Пристально смотритъ на иноземца юноша Петръ, не отводитъ глазъ; слова его осѣняютъ царевича, какъ яркое солнце золотящуюся, зрѣющую ниву, какъ будто кто раскрываетъ ему окно и показываетъ невѣдомое широкое поле, обильное и богатое.... ждущее только жнецовъ. «Учи меня этой наукѣ!» молитъ иноземца Петръ. Тиммерманъ соглашается и начинаетъ учить его ариѳметикѣ, геометріи, а впослѣдствіи, опять по собственному желанію Петра—фортификаціи —наукѣ о постройкѣ крѣпостей. Усаживается Петръ за тетрадку—и нѣтъ человѣческихъ силъ оторвать его отъ нея. Каждый день, подолу

корпитъ онъ надъ бумагой, съ гусинымъ перомъ въ рукѣ, макая его въ мѣдную чернильницу и упражняясь въ «аддиціи» (сложеніи) «мультиплікаціи» (умноженіи) и другихъ «хитростяхъ» «цифирной» науки.... Не много, кажется, и времени прошло, а онъ досконально знаетъ, изъ какого состава льютъ пушки, и какія изъ нихъ прочнѣе, и какъ надобно направлять выстрѣлъ, чтобы попасть вѣрнѣе въ цѣль, какое устройство крѣпости наиболѣе надежно для ея защиты, и много еще другаго, чего и не перескажешь.

Новые знакомые Петра, иностранцы, ведутъ его къ своимъ роднымъ и пріятелямъ. Была въ Москвѣ съ добрую сотню лѣтъ колонія иноземцевъ разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, больше же всего выходцевъ изъ нѣмецкихъ земель. Москвичи гнушались ими, считая нѣмцевъ погаными, и потому въ самомъ городѣ имъ запрещено было жить; обойтись же безъ нихъ, казалось, нельзя, такъ какъ уже давно замѣчено было, что и пушку отмѣнно выльетъ никто иной, какъ нѣмецъ, и хоромы никто не выстроитъ такъ красиво, какъ нѣмецъ, и руду серебряную только онъ можетъ отыскать, и отъ недуга вылѣчить разумѣетъ... Иностранцамъ поэтому отведена была мѣстность за городомъ, на берегу р. Яузы. Они поселились здѣсь какъ бы особымъ городкомъ, рѣзко отличавшимся отъ Москвы прямыми, какъ стрѣла, и широкими улицами. Улицы пересѣкались подъ прямымъ угломъ и дѣлили Нѣмецкую слободку на нѣсколько равныхъ частей, застроенныхъ красивыми деревянными домиками съ садами и огородами. Въ разныхъ частяхъ этого городка видно было нѣсколько иновѣрческихъ храмовъ. Иностранцы жили

зажиточно и весело. Довольство видно было и въ опрятности ихъ домиковъ, и въ щеголеватости одежды женъ ихъ и дочерей — невѣстъ, которыя въ праздникъ и особенно въ церкви, щеголяли богатствомъ бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ. Въ одѣяніи, а особенно на улицахъ, бросалась въ глаза разнонародность: случалось, что иной нѣмецъ, а еще чаще французъ или англичанинъ не гнушались и русской шапкой и рукавицами, разумѣется, когда бывало холодно.

Занимаясь разными науками, Петръ особенно сблизился съ иноземцемъ Лефортомъ: это былъ человѣкъ, правда, не многоученый, но зато веселый, подвижный, остроумный и добродушный. Петръ полюбилъ его за эти качества. Этотъ-то Лефортъ, по разсказамъ, первый и повелъ царевича къ нѣмецкую слободу. Обитатели нѣмецкой слободы, совершенно такъ же, какъ и москвичи, почитали семейную жизнь, и дочери у нихъ не засиживались долго въ невѣстахъ; но вопреки русскимъ обычаямъ, они допускали женщинъ въ мужское общество, чего въ своихъ семействахъ не терпѣли москвичи. Въ нѣмецкомъ городкѣ, иногда на пролетъ, цѣлую ночь, танцовали молодые люди, а солидные изъ москвичей считали всякую пляску дѣломъ богомерзкимъ. Царевичъ Петръ, посѣтивъ нѣмецкую слободу, попалъ будто въ «заморскую» землю — до того была нова ему эта веселая общественная жизнь, а пріемотрѣвшись къ ней, Петръ и самъ пустился въ плясы, и такіе пиры съ царевичемъ по временамъ продолжались дня по три сряду. Очень понравилось царевичу нѣмецкое веселье, но не жаловала этого веселья царица Наталья Кирилловна. Но съ весельемъ мѣшалъ царевичъ и дѣ-

ло. Знакомясь съ иноземцами, онъ разспрашивалъ у нихъ о ихъ родинѣ, узналъ о богатствѣ заморскихъ государствъ, о живой, промышленной ихъ дѣятельности, о морской торговлѣ и о многомъ такомъ, о чемъ и не снилось тогдашней Москвѣ.

Подъ Москвою находится много селъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живали прежде русскіе цари, въ иныхъ селахъ случалось бывать и Петру. Вотъ, онъ съ товарищами плыветъ по теченію тихой Москвы-рѣки, извивающейся красивой дугою и обрамленной зеленью: изъ лодки видны двѣ пушки—не большія, но настоящія—не деревянныя.... Время послѣобѣденное; жаръ спалъ; словно стеклышко, гладка и привѣтлива поверхность воды. Съ лодки доносится звонкій, молодой смѣхъ, шутки и шалости. Вотъ Петръ наклонился, опустилъ въ теплую воду руку и любуется, какъ бѣлыми прозрачными струйками, тихо журча, вода перекатывается чрезъ пальцы. Вотъ принимается царевичъ грести: сначала весло обрывается и по временамъ конецъ его вылетаетъ изъ воды высоко на воздухъ, обдавая брызгами спутниковъ Петра; но вотъ чрезъ десять минутъ онъ уже овладѣлъ веломъ и взмахиваетъ имъ подъ тактъ пѣсни, раздольно переливающейся по рѣкѣ; потъ каплетъ съ его лица, но весло уже мѣрно погружается въ волны, и увѣренно прорѣзывая ихъ — спокойно появляется на поверхности. Кто-то ошибся въ пѣснѣ... Раздается дружный смѣхъ и на нѣсколько минутъ лодка оставлена на произволъ теченія.... Петръ становится самъ къ рулю и начинаетъ править лодкой. Плывутъ они въ село Воробьево—заняться на свободѣ стрѣльбой изъ пушекъ.

А вотъ село Измайловское, къ сѣверу отъ Москвы. Тогда стоялъ здѣсь дворецъ Алексѣя Михайловича съ разными службами, сараями. Въ окрестностяхъ Измайловскаго и теперь еще цѣлаго роща, называемая Звѣринцемъ, въ которой когда-то держались звѣри для царской охоты. Самое село расположено на Просяномъ прудѣ, въ который впивается рѣчка Серебрянка. И прудъ, и рѣка обрамлены дубовымъ лѣскомъ, въ которомъ находился царскій пчельникъ. Покойный царь живалъ здѣсь какъ зажиточный помѣщикъ — всего было вдоволь, все изобильно и уютно. Любилъ Петръ прогулки по Измайловскому селу вмѣстѣ съ Тиммерманомъ, и вотъ однажды — заходитъ Петръ съ голландцемъ въ сарай: тамъ кучами лежитъ разный хламъ; вонъ, въ углу лежитъ что-то опрокинутое, лодка- не лодка,— что-то непонятное.

— «Что это?» спрашиваетъ царевичъ.

— «Это англійскій ботъ»,—отвѣчаетъ Тиммерманъ.

— «Ботъ!... чѣмъ онъ отличается отъ нашихъ судовъ?»

— «Тѣмъ, что можетъ ходить на парусѣ и по вѣтру, и противъ вѣтра».

— «Быть не можетъ! спустимъ его сейчасъ же!»

— «Нельзя, отвѣчаетъ нѣмецъ: видишь — руля нѣтъ, мачта изломана ..»

— «Нельзя ли починить? кто умѣетъ это сдѣлать?»

И вотъ, чтобы угодить царевичу, услужливый Тиммерманъ знакомитъ Петра съ своимъ земляком — Карштенъ-Брандтомъ. Скоро судно

починили, и рѣшили пустить его на рѣчкѣ Яузѣ, впадающей въ Москву.

Вотъ, на берегу этой узенькой, грязной рѣченки толпится десятка два людей—товарищи Петра, нѣсколько нѣмцевъ—знакомыхъ Тиммермана и Брандта, которые находятся тутъ же. Вотъ и Петръ — рослый, крѣпкій юноша, съ румянымъ лицомъ, на которомъ только что пробился черный пушокъ, съ блестящими, орлиными глазами и вьющимися волосами. Онъ ближе всѣхъ къ берегу, впереди всѣхъ жадно слѣдитъ, какъ Брандтъ, съ нѣсколькими рабочими, спускаетъ въ воду ботикъ. Ботикъ спущенъ, плыветъ... Брандтъ поднимаетъ парусъ, который слегка надувается — судно пошло легче, скорѣе. Вотъ поворотило оно, плыветъ въ другую сторону...

— «Къ берегу! причаливай къ берегу!» кричитъ Петръ иностранцу. Судно направляется къ мѣсту, гдѣ стоитъ царевичъ съ толпой.... вотъ оно въ двухъ саженяхъ отъ берега.... вотъ въ разстояніи одной сажени.... Петръ прыгаетъ и въ одинъ мигъ — на ботъ. Вотъ плыветъ онъ самъ съ Брандтомъ — въ одну сторону, поворачиваетъ въ другую.... но судно поворачивается не ловко.

— «Отчего это?» спрашиваетъ Петръ.

— «Вода мелка» — отвѣчаютъ ему: если бы спустить судно въ Просяномъ прудѣ — тамъ лучше».

— «Такъ пустимъ!» Перетащили ботъ, спустили—лодка идетъ лучше, но не особенно хорошо. Петръ не унимается, спрашиваетъ: гдѣ вода глубже Просянаго пруда?

— «Въ Плещеевомъ озерѣ, подъ Переяславомъ».

— «Далеко?»

— «Верстъ 50 за Сергіевой Лаврой»...

Пригорюнился, призадумался Петръ о томъ, какъ попасть въ Переяславль: далеко, вотъ бѣда— мать не пустить... Наконецъ придумалъ: 5 Іюля празднуется обрѣтеніе мощей св. Сергія. «Дай, поброшусь въ Лавру,» думаетъ Петръ: «а тамъ—рукой подать.» Сказано—сдѣлано, и катитъ Петръ съ Брандтомъ къ угоднику Сергію, а оттуда, что есть духу, въ Переяславль. Цѣлый день ѣхалъ Петръ по холмистой, одѣтой зеленью, мѣстности, и передъ закатомъ только открылся его глазамъ Переяславль Залѣсскій, на берегу желаннаго Плещеева озера. Верстъ на 30 въ окружности раскинулась лазоревая поверхность его, съ утопающимъ въ дали противуположнымъ берегомъ: съ запада вытекаетъ изъ него свѣтлая, веселая р. Вёкса, съ востока— впадаетъ мутный Трубежъ, протекающій по городу. Переяславль, какъ и всѣ старые русскіе города, изобиловалъ множествомъ церквей, дававшихъ ему видъ многолюднаго, богатаго и краснаго города. Любо было смотрѣть Петру на привѣтливую, необъятную гладь озера, и рѣшилъ онъ, во что бы то ни стало, поплавать здѣсь. Но на чемъ? Не везти же сюда изъ Москвы ботикъ! «Настроимъ здѣсь другихъ судовъ», порѣшилъ Петръ,—и опрометью къ матери; просить—молить отпустить его строить суда на Плещеевомъ озерѣ. Царица совсѣмъ растерялась, такъ неожиданна была просьба сына. Боязно было отпустить ей свое дѣтище—вѣдь утонетъ неравно. Но дѣтище-то такое горячее, своеобычливое, такъ цѣлуетъ оно матушку, такъ проситъ, и смѣется, и плачетъ, и клянется—что не уто-

нетъ, что скоро вернется въ Москву... «Подожди хоть именинъ своихъ!» проситъ мать... Отпраздновалъ, въ угоду матери, свои именины Петръ и, какъ стрѣла, умчался въ Переяславль, вмѣстѣ съ Брандтомъ и 16 работниками. И вотъ лѣсистыя окрестности Переяславля огласились ударами Царскаго топора, и закипѣла работа...

Черезъ нѣсколько времени, въ двухъ верстахъ отъ города, на южной сторонѣ Плещеева озера, стоялъ небольшой деревянный дворецъ для Петра. На видъ онъ ничѣмъ особеннымъ не бросался въ глаза: слюдяныя, расписанныя красками окна, бѣлымъ войлокомъ обитая дверь, на крышѣ—двуглавый орелъ въ золоченной коронѣ. Прямо передъ окнами дворца, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, стояли корабли, построенные уже Брандтомъ и другимъ мастеромъ, Кортомъ, при помощи учениковъ—работниковъ. Для кораблей сдѣлали уже изъ свай пристань: два изъ нихъ—трехмачтовые военные—это не большіе фрегаты, три—для прогулокъ—яхты.

Стояла весна. На берегу, въ сараѣ суматоха... Толпа работниковъ облѣпила вновь-строющійся корабль; работа идетъ уже къ концу: проконопатить одинъ бокъ, осмолить палубу, поставить мачты, оснастить кораблекъ—и спускай его на воду. Это первое дѣтище самого Петра, дѣтище родное, любезное, потому что самъ онъ работалъ надъ нимъ едва-ли не болѣе другихъ. Теперь уже онъ двадцатилѣтній, рослый молодой человѣкъ; теперь уже трудно рѣшить — потѣха ли для него это занятіе или же — дѣло: онъ любитъ свои корабли сильно и постоянно; онъ уже ясно прозрѣваетъ всю выгоду для Россіи имѣть флотъ и обладать навыкомъ въ морскомъ дѣлѣ;

его, кажется, занимаетъ иногда мысль о пріобрѣтеніи Чернаго моря—мысль не новая, поднятая на его памяти; а тогда, добравшись до воды, надобно будетъ имѣть и военныя, и торговыя суда... А какое занимательное это дѣло—постройка кораблей, сколько тутъ подумаешь надъ иной вещью, какъ потрудишь руки! А какая нескончаемая радость, когда окончишь какую нибудь часть работы! .. И вотъ корабль почти совсѣмъ готовъ; черезъ мѣсяцъ, черезъ другой, онъ будетъ спущенъ... Обложенный инструментами, Петръ конопатитъ судно.... одежда его не такъ-то чиста: поть каплетъ по временамъ съ его загорѣлаго лица; но какое довольство въ его глазахъ, какое счастье!... Въ двухъ шагахъ отъ него возится за мачтою какой-то молодой рабочій, по наружности—одноклѣтокъ царя: это пріятель его Екимъ Воронинъ, съ которымъ онъ почти всегда неразлученъ. Оба—и Петръ и Воронинъ углублены въ свое дѣло... имъ некогда вести разговоръ; только изрѣдка перебросятся они короткими фразами и потомъ снова замолкаютъ.

Ко дню торжественному спуска корабля, Петръ выписалъ изъ Москвы свою избранную компанію, которой подробно показалъ готовые корабли и строющійся, объяснивъ устройство ихъ и катаясь по раздольному озеру. Наконецъ все было готово.

1 мая 1692 года въ переяславльскихъ церквахъ звонили во всѣ колокола. Съ небольшой баттареи, расположенной на мысѣ, по лѣвую сторону дворца, палили изъ пушекъ. Передъ дворцомъ, на берегу стояла толпа народа и московскіе гости. Петръ ликовалъ: его первенецъ-корабль спускался въ воду.... Всю жизнь свою

Петръ праздновалъ этотъ дорогой для него день: отпраздновалъ онъ весело его и въ этотъ разъ большимъ фейерверкомъ и пиромъ.

Но тѣсно ему показалось и здѣсь: давно уже хотѣлось ему посмотрѣть море. И вотъ, послѣ долгихъ разговоровъ, съ большой неохотой и тяжкими вздохами отпустила его Наталья Кирилловна въ Архангельскъ, приказавши крѣпко-накрѣпко не подходить близко къ водѣ, и разрѣшивъ посмотрѣть на море только издали.

А тамъ, въ ожиданіи государя, какъ разъ противъ пристани иностранныхъ судовъ, построены были уже для него и хоромы и для его поѣздокъ стояла въ пристани яхта «св. Петръ». Царь *) хотѣлъ было воспользоваться ею тотчасъ по пріѣздѣ для прогулки по Бѣлому морю въ Соловецкій монастырь, но вскорѣ раздумалъ: ему захотѣлось увидѣть океанъ. Къ тому же являлась возможность посмотрѣть, какъ плаваютъ по морю большіе иностранные корабли, такъ какъ нѣсколько англійскихъ и голландскихъ торговыхъ судовъ отплывали изъ гавани.

Рано утромъ, 4 августа 1693 г. Петръ отплылъ изъ Архангельска въ море, но долго простоялъ у устья Двины, потому что вѣтеръ былъ слабый: 6 августа, при громѣ пушечной пальбы, онъ вступилъ въ море. Внимательно наблюдалъ Петръ ловкость иностранныхъ матросовъ, любовался стройнымъ ходомъ судовъ и чередовавшимися морскими видами. Вотъ мелькаютъ, въ лиманѣ Двины, острова, то покрытые лѣсомъ и низ-

*) По смерти царя Ѳедора, короткое время Петръ царствовалъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, Иваномъ. Но потомъ, когда послѣдній, по слабости здоровья, отказался отъ престола, Петръ сталъ единодержавнымъ государемъ.

менные, то каменистые и безлѣсные; рѣка становится все шире и шире, все сильнѣе и сильнѣе дуетъ въ лицо холодный вѣтерокъ..... Вотъ наконецъ море. Двина уходитъ дальше и дальше, все меньше и меньше кажется щетинка соснового лѣса, которую недавно только миновали корабли, все больше пробираетъ Петра дрожь и вѣтеръ теребитъ волосы и шейный платокъ; корабль то встряхивается шальною волной, то мѣрно опускается и поднимается; временами пѣна, срываемая вѣтромъ, брызжетъ въ его лицо и заставляетъ нервно вздрагивать. Жутко какъ-то становится новичку отъ всего этого, а тутъ еще жалобный, рѣзкій крикъ чаекъ, да рыданье гагаръ... Но Петръ жадно впился глазами въ непривѣтливую и неприглядную даль, какъ будто желая пожрать глазами сѣровато-зеленыя волны: не переводя дыханія, всматривается онъ въ темную поверхность воды съ милліонами прыгающихъ «зайчиковъ» и изрѣдка попадающимися обломками дерева. Довольство блеститъ въ его черныхъ глазахъ. А между тѣмъ бывалому человѣку не захотѣлось бы смотрѣть — ни на свинцовую поверхность воды, ни на сѣренькое небо, ни на унылый берегъ, въ виду котораго плылъ корабль: сѣрыя, чаще всего голыя, остроконечныя вершины, кое-гдѣ лишь покрытыя сосной и елью, да низкими и широкими кустами можжевельника, простирающаго на югъ свои вѣтви, какъ бы съ мольбой — взять его отсюда, — чахлая, хилая трава, — изрѣдка, на вершинѣ олень неподвижный, какъ бы застывшій — вотъ что попадалось на глаза. Но для Петра картины эти не были ни утомительно-скучны, ни печальны: въ немъ, напротивъ, разгоралась кровь, когда

своенравная волна ударялась о бортъ и осыпала лицо брызгами: ему хотѣлось помѣряться силою съ гордой природою сѣвера, для него незамѣтно летѣли часы путешествія, невидимо прошелъ день, другой, и вотъ уже 300 верстъ отъѣхали они отъ Архангельска и очутились у р. Поноя, гнѣвно рвущейся въ море черезъ узкій проходъ, оставляемый ей высокими гранитными скалами.

Съ сожалѣніемъ простился онъ со спутниками своими и воротился назадъ.

И городъ Архангельскъ, самъ по себѣ представлялъ для него много любопытнаго: въ гавани и на улицахъ было постоянное движеніе, — пестрота разнонародныхъ одеждъ поражала зрителя. Здѣсь, лѣтомъ, бывало въ гавани до 100 кораблей голландскихъ, англійскихъ, гамбургскихъ и бременскихъ, являвшихся сюда съ суконами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, галантерейными и иными товарами. Двадцать четыре дома заняты были въ Архангельскѣ иностранцами; для склада товаровъ давно уже стояло каменное зданіе, величиною болѣе версты въ окружности,—было, значитъ, чему подивиться и къ чему поприсмотрѣться. И Петръ, несмотря на обѣщаніе, взятое матерью, воротиться какъ можно скорѣе, замѣшкалъ въ Архангельскѣ. Горькая и обидная дума приходила ему въ голову: всѣ иностранцы перебываютъ здѣсь, въ Россіи, всѣ поживятся въ ней, получатъ барышъ, а Русскихъ судовъ не видно за моремъ: лѣнивы Русскіе, а иностранцы завистливы и недружелюбны... Но не опускаетъ руки передъ такою недолею Петръ, а пробуетъ поспорить съ заморскою торговлею: онъ приказываетъ архангельскому воеводѣ снарядить русскій корабль за море.

Съ Петромъ прибыла въ Архангельскъ свита, человѣкъ до ста. Ему хотѣлось со всѣми спутниками прокатиться по Бѣлому морю, съѣздить въ Соловки, а яхты «св. Петръ» для этого недостаточно было. И вотъ Петръ собственноручно заложилъ на о-вѣ Соломбалѣ новый корабль и, кромѣ того, послалъ въ Голландію заказъ еще на одинъ корабль. Жилъ онъ во дворцѣ на Масеевомъ островѣ: отсюда онъ могъ вволю любоваться иностранными кораблями, но рѣдко сижывалъ дома. Часто захаживалъ онъ къ иностраннымъ купцамъ и морякамъ, обѣдалъ у нихъ и проводилъ вечера, бесѣдуя за кубкомъ вина о заморскихъ странахъ. По праздникамъ бывалъ всегда у обѣдни, а потомъ заходилъ къ священнику или къ архіерею. Архіепископъ Аѳанасій особенно полюбился царю за умъ, опытность и разнообразныя свѣдѣнія. Охотно бесѣдовалъ съ нимъ Петръ о морскихъ путешествіяхъ, о постройкѣ заводовъ, о крестьянахъ и боярахъ, о дѣяніяхъ прежнихъ царей...

Между тѣмъ изъ Москвы шли, одно за другимъ, письма Натальи Кириловны къ сыну. «Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, писала она, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего, радости не вижу... Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ,—и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить»... Уступая усиленнымъ просьбамъ матери, мѣсяца черезъ два Петръ воротился наконецъ въ Москву, завернувъ по дорогѣ на лѣсопильный заводъ братьевъ Важенинныхъ, близъ Холмогоръ. На этомъ же заводѣ они строили и корабли для иностранцевъ.

Но и въ Москвѣ не оставляла Петра мысль о морѣ и корабляхъ.... Часто можно было видѣть его въ Преображенскомъ за точеніемъ блоковъ для новаго корабля, заложеннаго въ Архангельскѣ или за литьемъ пушки для того же корабля и приготовленіемъ другихъ принадлежностей.

Въ январѣ 1694 г. царица Наталья Кирилловна скончалась. Три дня плакалъ и горевалъ Петръ по любимой матери и рѣшилъ выѣхать изъ Москвы еще зимою, но время по-немногу утѣшило его, и поѣздка въ Архангельскъ отложена была до весны.

Наступилъ май мѣсяцъ. Въ 3 часа утра на 30 мая въ Архангельскѣ было уже совсѣмъ свѣтло. Весеннее солнышко теперь какъ бы наверстывало зимнюю тьму и холодъ и торопилось проснуться пораньше послѣ короткаго сна. На пристани толпился народъ: это провожали царя Петра въ Соловки. Суда отчалили.—Толпа на берегу кажется путникамъ все меньше и меньше.... Вотъ она представляется черною линіей и наконецъ точкой; точно искорки блестятъ куполы и кресты церквей на только что появившемся солнцѣ, лучи котораго скользятъ и перебѣгаютъ на золотѣ; въ воздухѣ разлита утренняя свѣжесть; кровь бѣгаетъ по жиламъ быстрѣе обыкновеннаго, несмотря на недоспанный сонъ; внимательнѣе обыкновеннаго всматривается въ окружающее. Вотъ и городъ съузился и какъ бы поднялся надъ берегомъ, вотъ наконецъ отъ большаго города осталась только единственная блесточка, да и та вскорѣ погасла: корабль, слѣдуя извилинѣ рѣки, поворотилъ направо. По сторонамъ низменные берега, на которыхъ вдали, какъ бы окутанный голубымъ покрываломъ, вид-

нѣтеи иногда лѣсокъ, чередуясь съ желтыми, песчаными промежками. Берега, что дальше, то больше, какъ бы убѣгаютъ другъ отъ друга и раздвигаются, наконецъ, въ необъятное пространство Бѣлаго моря.

Увѣренно шли корабники, надувши паруса, по морскому простору, недавно освободившемуся ото-льда; легкій вѣтерокъ нѣсколько часовъ подувалъ съ юга, становясь, однако, все слабѣе по мѣрѣ удаленія кораблей отъ устья Двины. Наконецъ, перестали дѣйствовать паруса и появился туманъ — обычный здѣсь гость послѣ стайки льда: поплыли на веслахъ, но уже потише, — требовалась осторожность, такъ какъ туманъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Прошли сутки. Снова подувшій вѣтеръ разорвалъ сѣрую пелену тумана, который волнами разбѣгался въ разныя стороны. Надъ головами путниковъ показался сначала тусклый кругъ, какъ бы маслянное пятно на бумагѣ, желтѣя съ исчезновеніемъ мглы и заблестѣвъ, наконецъ, яркими лучами весенняго солнца. Снова можно было натянуть паруса и веселѣе продолжали корабники путь свой.

Вдругъ на горизонтѣ показалась какая то матово-бѣлая масса, какъ будто снѣжныя горы. Черезъ нѣсколько времени можно было замѣтить, что фантастическія очертанія ея измѣнились, и догадаться, что это—облако. Озабоченно поглядывали на причудливую тучку знакомые съ моремъ спутники Петра: они угадывали по ней, что не миновать бури! И они не ошиблись.... Черезъ нѣсколько часовъ вѣтеръ сдѣлался крѣпче и порывистѣй; волны, становившіяся съ теченіемъ времени все выше, качали корабль, то погружая его, то приподнимая и выбрасывая

къ верху на своихъ гребняхъ. Страшна эта качка корабля! Совсѣмъ особенное чувство безпомощности овладѣваетъ новичкомъ, голова мало по малу перестаетъ думать, въ ней становится темнѣе, она кружится... Хрякъ! — что то не то порвалось, не то переломилось на суднѣ... Волны вертятъ его нѣсколько времени на одномъ мѣстѣ... Слышны вздохи и отрывочныя слова молитвы. Должно быть, — на роду написано погибнуть... Архіепископъ Аѳанасій читаетъ молитву прерывающимся отъ головокруженія голосомъ, и отъ нея долетаютъ до царя невнятно только отдѣльныя слова... остальныя вырываются и разносятся въ стороны, куда-то въ море немилосерднымъ, свирѣпымъ вѣтромъ. Вдругъ корабль совсѣмъ опустился въ море, надъ головами путниковъ выросла цѣлая гора воды... Смутно видятъ они ее и чувствуютъ, какъ вдругъ она хлестнула по палубѣ отъ носа къ кормѣ; кажется, вотъ — вотъ пойти ко дну... и судно, дѣйствительно, движется куда то внизъ, въ глубь...

Вдругъ зашагала по водѣ, чрезъ всю палубу рослая, плечистая фигура Петра: голова обнажена вѣтромъ, платье мокрое, въ глазахъ — стальной блескъ рѣшимости.... Быстро движется онъ къ кормѣ и твердою рукою берется за руль. Корабль появляется на гребнѣ громадной водяной горы; солнечный свѣтъ ударяетъ на палубу; мощная фигура Петра выдѣляется на грозномъ фонѣ волны.... Всѣмъ, невольно оглянувшимся, чувствуется, что это — сила, могучая, умѣлая, богатырская. И всѣ ждутъ. Ждутъ — и доброе чувство надежды дѣйствуетъ на всѣхъ мгновенно. Ужасъ, отчаяніе сразу замѣняются какимъ

то оцѣпенѣніемъ вѣры и все смотритъ на ведущаго ихъ къ желанному берегу молодаго царя.

Корабль достигнетъ берега — и онъ достигъ.

И вся юная Русь, все, что есть въ ней сильнаго и свѣжаго, начинало смотрѣть съ надеждою и ожиданіемъ на этого юношу, которому не страшна и непокорная стихія моря. Быть бурѣ и бурѣ не малой; она чуется въ воздухѣ — она близка... Все стосковалось монотонною неподвижностью старой жизни, жаждетъ перемѣнъ въ ней — и льнетъ къ Петру, озаренному новымъ свѣтомъ — свѣтомъ ученья... И не страшна молодой Россіи эта грядущая буря: у ведущаго ее юнаго царя въ рукахъ — могучая сила — свѣтъ новый, живой, который разгонитъ хмурыя, грозныя тучи и заблеститъ яркими лучами весенняго утра.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ Кирилло-Меѳодіевскомъ книжномъ складѣ при Одесскомъ Славянскомъ Обществѣ

Зданіе Городской аудиторіи Народныхъ Чтеній,
Старопортофранковская улица.

Тамъ-же имѣются въ продажѣ, кромѣ книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія различныхъ издателей, еще и слѣдующія книги собственнаго изданія:

1) Русь и Византія въ X вѣкѣ. Проф. Ѳ. Успенскаго . . 50 к.
2) О значеніи христіанства въ Исторіи Русскаго Государства. С. Бракенгеймера . . . . . 10 „
3) 900-лѣтіе Крещенія Руси. П. Занкова. . . . . 5 „
4) О воспитаніи слѣпыхъ. А. Дабѣжа . . . . . 15 „
5) Открытіе памятника Пушкина въ Одессѣ. Сборникъ . . 50 „
6) Обзоръ книгъ для дѣтскаго чтенія примѣнительно ко всякому возрасту . . . . . 20 „
7) Ясная Поляна (журналъ графа Л. Толстаго). Книжка 1-я. Робинзонъ. . . . . 10 „
8) Ясная Поляна (журналъ графа Л. Толстаго). Книжка 2-я. Колумбъ. . . . . 10 „
9) М. Ю. Лермонтовъ. 15 Іюля 1841—15 Іюля 1891 г. Для школъ и народа. . . . . 20 „
10) Стекло, какъ и изъ чего оно дѣлается. . . . . 7 „
11) Полное собраніе стихотвореній А. В. Кольцова съ біографіей . . . . . 10 „
12) Біографіи де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Ко дню столѣтія г. Одессы. . . . . 15 „
13) Прошлое и настоящее Одессы. Историко-географическій очеркъ по поводу столѣтія Одессы . . . . . 25 „

Печатаются:

1) О заразныхъ и повальныхъ болѣзняхъ и мѣрахъ борьбы съ ними. Д-ра Бурда.
2) Полное собраніе басенъ Крылова.

Всѣмъ книжнымъ магазинамъ уступка 30%.

Цѣна 10 коп.

Въ первомъ изданіи „Воспитаніе Петра" В. Н. Ястребова одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

2007059641